

Три вьюноши

Жил-был купец, у купца было три дочери, и выпросились они у отца с матерью в сад гулять, гуляли, гуляли; старшая и говорит: «Если бы меня батюшка отдал за хлебопека, завсегда бы я мягкие хлеба кушала». А средняя дочь говорит: «Ну, кабы меня батюшка отдал за повара, всего бы было у меня вдоволь». Меньшая говорит: «Кабы меня батенька отдал за Ивана-царевича сына, я бы родила ему трех вьюношев по локти ручки в серебре, по бокам часты звезды, во лбу светел месяц и в затылке красно солнце».

Вот Иван-царевич сын гулял и слышал, наперед заехал и написал на воротах цифирь. Вот приезжает Иван-царевич к своему отцу к матери, просит позволения жениться. Отец с матерью позволяет, он взял да с сыном и поехал к этому купцу. Прежде купец испугался. «Что такое? Какие за мной винности есть: царь приехал ко мне на двор?». Встречает царя. Царь входит к нему в дом и спрашивает: «Есть у тебя три дочери?». — «Есть», — говорит. «Что, согласен их всех замуж отдать? Старшую дочь за хлебопека, среднюю за повара, а младшую за его сына». Тот согласился отдать, и три свадьбы сыграли.

Вот младшая дочь забеременела, Иван-царевич (сын) отъезжает и приказывает отцу с матерью: «Маменька, тятенька! Не бросьте мою хозяйку при этом случае». Сам уехал. Вот стала она собираться родить и говорит: «Надо, говорит, баню истопить. Ну, говорит, сестрицы, как бы сходить за бабушкой». — «Ах, — говорят они, — сестрица, мы свои, а не чужие, мы тебя не бросим при этом случае». Ну, она родила, сделалась без памяти, родила двух вьюношев по локти ручки в золоте, по колено ножки в серебре, по бокам часты звезды, во лбу светел месяц, на затылке красно солнце. Они, эти сестры-то, взяли их в ящик засмолили. Взяли от собак двух щенят, ей подкинули. Она опамятовалась и говорит: «Сестрицы, подайте мне ребеночка посмотреть!». — «Ах, говорят, милая сестрица, не то тебе показать, не то нет? Кабы ты бы родила себе детище, а то двух щенят». Ну вот они пошли свекровь поздравлять: «Ваше царское величество! Ваша, говорят, невестка, а наша сестра родила двух щенят». Она сейчас к сыну письмо написала. Сын приезжает, говорит: «Первый раз прощается, что на другой будет».

Она в другой раз забеременела, опять стала сестер просить, чтоб баню истопить, они опять истопили. Она опять просит их за бабушкой сходить. Сестрица, милая, говорят, над тобой было несчастье, мы, говорит, никому не выказали, а чужая-то на весь свет разнесет, а у нас-то будет все скрыто». Вот она третьего вьюноша (девушку) родила: по локти ручки в золоте, по колена ножки в серебре, по бокам часты звезды, во лбу светел месяц, а в затылке красно солнце. Они и третьего вьюноша посадили в тот же ящик, засмолили, да и пустили на речку. Пошли к свекору, сказали: «Родила, ваша невестка, а наша сестра часть древа». Муж-то кинулся в сенат на нее с прошением: «Вот ей, говорит, две вину простили, в третий она родила часть древа». Ну, ее велели в каменный столб закласть. Ее в каменный столб и заклали. Оставили окошечко, чтоб ей подавать по стаканчику водицы да по кусочку сухарика из суток в сутки.

А эти вьюноши приплыли к мельнице по речке. Мельник поймал их, взял их рассмолил, они всю комнату ему так и осьяели, и с старухой с своей покоили их. Им что расти было в три года, а они в три дня растут. Вот этот мельник с мельничихой помирает. «Ну, говорит, вьюноши, вы, говорит, живите хорошенько. Это сестра пусть вам вместо матери, вы должны ее слушать, а ты их покой вместо детей». Вот они живут после мельника все трое хорошо — ладно, друг друга почитают.

И услышали они: есть на море птица Говорок. Вот встала она (сестра-то), напекла блинов и проводила она этих братьев за птицей Говорком. Они оседлали коней и поехали, приехали к лесу; стоит там избушка, а в этой избушке живет старенькая старушка. Они и спрашивают: «Бабушка, как нам проехать достать птицу Говорок?». — «А вы, говорит, вьюноши, поезжайте к морю, как приедете к морю, не привязывайте коней к осиновому колу, а привяжите к березовому!». Они приехали к морю, не привязали к березовому-то, а привязали к осиновому, да там и остались и не возвратились.

А эта вьюнош дожидалась, дожидалась их, на третий год поехала сама. «Дай, говорит, я поеду: не найду ли я своих родимых братьев!». Приехала к этой избушке, поставила своего коня, вошла в избушку и говорит этой старушке: «Здравствуй, говорит, старушенька! Не видала ли ты тут вьюношев? Не проезжали ли?». — «Видала, говорит, вьюношей, видала матушка; только ты, говорит, поедешь туда же: на тебе блюдечко, приедешь на море, не привязывай своего коня к осиновому колу, а к березовому, так ты увидишь братцев, а коли к осиновому привяжешь, так и

сама там останешься. Возьми, говорит, в блюдечко почерпни водицы и сорви травки и возьми, говорит, крапи на все четыре стороны: и птица Говорок за тобой пойдет и братцы за тобой поедут». Вот она приехала, стала на все четыре стороны кропить, и птица Говорок за ней пошла и братья за ней встали, пошли и с сестрой поздоровались. «Ах, говорят, сестрица, долго мы уснули!». — «Еще бы вам, братцы, спать, кабы не я ». — «Ах, говорят, сестрица, мы всего, говорят, три часа спали!». — «Нет, говорит, братцы, вы три года спали». Вот они едут; птица Говорок за ними летит, и страсть сколько народу валит. Ну вот они приехали в дом свой, и эта птичка села за столбок.

Прослышал царь, что в таком месте, у таких вьюношев есть птица Говорок. Ну вот этот царь приезжает к ним, эта девушка взметалась: «Что мне делать? Чем его угощать? Чем мне его потчевать?». А птица Говорок говорит: «Будет угощен, будет употчеван». Вот она его всем угощала, всем потчевала. Царь подымается и из-за стола вон, вот она и говорит (птица Говорок): «Что ж ты, говорит, девица, холодное позабыла?». Она сейчас подала огурец: дорогими камнями начинен и всю горницу осьяел. Царь и говорит: «Как это можно такое кушанье кушать?». А птица Говорок и говорит: «А как это можно человеку родить двух щенят да часть древа?». Он взял поехал домой, приезжает к сыну и рассказывает, как они его этим кушаньем угощали. Взявши того, не откладывая лошадей, поехал с сыном опять к ним.

Опять девушка взметалась: «Чем мне их угощать, чем потчевать?». Вот птица Говорок и говорит: «Не ворчи, девушка, будет он угощен, будет употчеван». Вот она стала их угощать всякими закусками, вот поднимаются они вон из стола, птица Говорок и говорит: «Что ж ты, девушка, холодное позабыла?». Она сейчас им подала холодное, опять тот же огурец. Он и говорит: «Как это можно царю это кушанье кушать?». Он только надвёл ножик, огурец весь и рассыпался. А птица Говорок и говорит: «Как это можно женщине часть древа родить да двух щенят?». А он и говорит: «Да, точно так, у меня невестка родила двух щенят да часть древа». А она и говорит: «Нет, говорит, это напрасно. Вот ваши дети, это сестры их скрали; им ненавистно стало: где это видано, чтобы меньшая сестра старшими повелевала». — «Как же нам теперь быть: ее уж теперь, смотри, в живых нет».

Иван-царевич сейчас кинулся в сенат, все эти дела командовал, столб этот разбили, и она, как сейчас родилась, ничуть не похудела, еще полутчала

(похорошела). Вот что бог-то делает! Взяли ее и поехали, и вьюношев этих взяли, и птица Говорок за ними полетела, и сады их за ними пошли, и пташки-соловьёшки все запели нараспев. А этих сестер к конному хвосту привязали, да по чистому полю растрепали. А мне дали красный колпак, как зачали меня в шею толкать, а дали мне синий кафтан; ворона летит, говорит: «Синь кафтан», а я думала: «Скинь кафтан». Взяла и скинула.

(Село Жолчино Рязанского уезда)

Великорусские сказки в записях И. А. Худякова. Издательство "Наука".
Москва-Ленинград, 1964.